

ЛЕТУЧИЙ
ЭСКАДРОН

Мюриель Романа

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ
~ НЕВОЛЬНИК ~

18+

*Обаяние — их лучшее оружие,
хитрость — их неизменный союзник*

Документальный fiction

Мюриель Романа

Константинопольский невольник

«Азбука»

2025

УДК 821.133.3-31
ББК 84(4Фра)-44

Романа М.

Константинопольский невольник / М. Романа — «Азбука»,
2025 — (Документальный fiction)

ISBN 978-5-389-34962-9

Франция XVI века. Двор Екатерины Медичи, где власть держится на интригах и женской хитрости. Летучий эскадрон – четырех фрейлин королевы-матери – ждет новое опасное поручение: разыскать Габриэля де Монтгомери – исчезнувшего без следа цареубийцу. Его путь ведет через море, в мир пиратов, рабства и чужой веры, где каждое решение может стоить жизни.

УДК 821.133.3-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-34962-9

© Романа М., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Персонажи	6
Габриэль	15
Екатерина Медичи	17
Габриэль	19
Екатерина Медичи	22
Габриэль	24
Луиза	26
Екатерина Медичи	28
Луиза	31
Габриэль	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мюриель Романа Константинопольский невольник

Посвящается Солаль и Кларе

Muriel Romana

L'ESCADRON VOLANT: L'ESCLAVE DE CONSTANTINOPLE

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2025

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Кабалкин А. Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Персонажи

Герои романа существовали в действительности.

Луиза де Лаберодьер (1530 – после 1586), фрейлина Екатерины Медичи

Клодина де Рец (1543–1603), фрейлина Екатерины Медичи

Изабо де Лимёй (ок. 1535–1609), фрейлина Екатерины Медичи

Мадлен де Л'Этуаль (1547–1566), молодая дворянка-гугенотка

Пьер де Брантом (ок. 1540–1614), гасконский дворянин, кузен Клодины де Рец

Габриэль де Монтгомери (1530–1574), цареубийца, бывший капитан королевской гвардии

Екатерина Медичи (1519–1589), королева-мать

Карл IX (1550–1574), король Франции, сын Екатерины Медичи

Елизавета Французская (1545–1568), супруга короля Испании Филиппа II, дочь Екатерины Медичи

Другие дети Екатерины Медичи: Генрих (1551–1589), Маргарита («королева Марго», 1553–1615), Эркюль-Франциск (1555–1584)

Мария Стюарт (1542–1587), королева Шотландии, вдова французского короля Франциска II, племянница Гизов

Франсуа Лотарингский, герцог де Гиз (1519–1563), дядя Марии Стюарт, католик-радикал

Шарль де Гиз (1524–1574), кардинал Лотарингский, дядя Марии Стюарт, католик-радикал

Жанна д'Альбре (1528–1572), королева Наварры, гугенотка

Антуан де Бурбон (1518–1562), король-консорт Наварры, гугенот

Людовик, принц де Конде (1530–1569), младший брат Антуана де Бурбона, принц крови, гугенот

Амбруаз Паре (1510–1590), королевский врач

Франсуа Клуэ (1515–1572), придворный живописец

Нострадамус (1503–1566), астролог королевы

Дуроножка, карлица, шутиха королевы

Флоримон Роберте (1540–1569), личный казначей Гизов

Барон де Рец (ум. 1562), муж Клодины

Пьер де Л'Этуаль (1546–1611), брат Мадлен де Л'Этуаль

Сэр Фрэнсис Уолсингем (ок. 1532–1590), начальник разведки и контрразведки Англии

Мигель де Сервантес, испанский солдат, будущий автор «Дон Кихота»

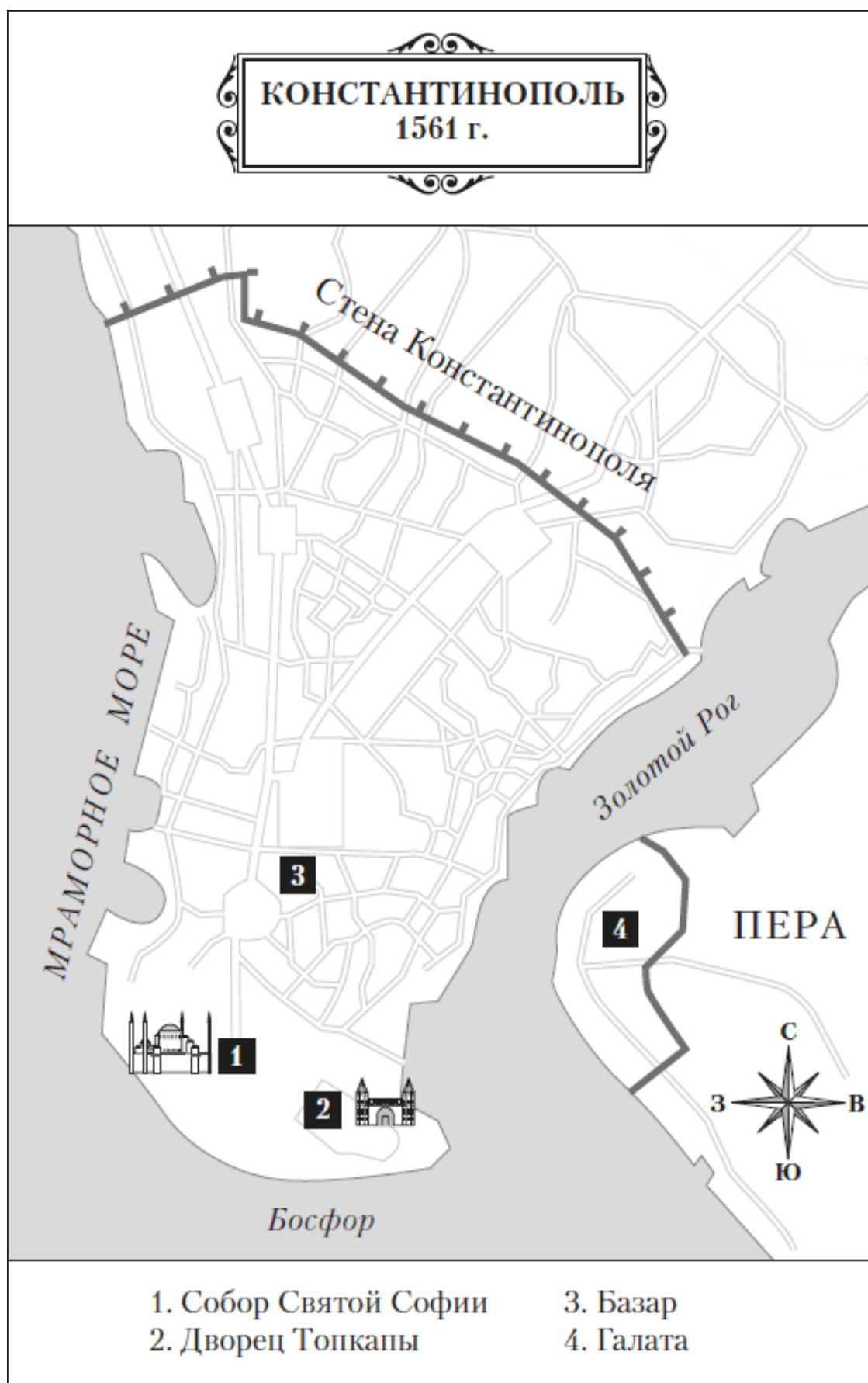
Рустем-паша (ок. 1500–1561), великий визирь Османской империи, зять султана Сулеймана Великолепного

Михримах-Султан (1522–1578), османская принцесса, жена Рустема-паши, дочь султана Сулеймана Великолепного и его жены Роксоланы

Айше (1541–1604), османская принцесса, дочь великого визиря Рустема-паши и его жены Михримах, внучка султана Сулеймана Великолепного

Габриэль

От веревки, сдавившей шею, у него нестерпимо зудела кожа. Габриэль де Монтгомери с трудом сглотнул. В горле у него пересохло от жажды, но эту муку не сравнить было с тошнотой от невыносимого унижения.

Его гнали, как животное, с дюжиной других несчастных пленников, скованных цепями в скорбную вереницу. Одни были тощими, как скелеты, с торчащими ребрами, другие покрепче. Но их грязные лица, все до одного, были изборозжены глубокими морщинами – следами нечеловеческой усталости и страха.

Эта дюжина людей в кандалах была разношерстнее некуда: здесь были и чернокожие, и рыжекудрые, и выгоревшие на солнце блондины, был даже старик-азиат со впалыми щеками, не попадавший в ногу с остальными.

Швартовка в Константинополе принесла им облегчение после чудовищных усилий, которых потребовал переход через море на веслах, под непрерывными ударами кнута надсмотрщика. Но передышка оказалась недолгой. Монтгомери, еще не отошедшего от качки, сковали вместе с огромным нубийцем. Повинуясь приказам человека в тюрбане, вооруженного резной палкой, он побрел через толпу любопытных в длинных одеяниях, говоривших на неведомом ему наречии.

Прохожие останавливались, чтобы поглазеть на вереницу невольников. Некоторые указывали на них пальцем и что-то бормотали им вслед. Монтгомери заметил, что вызывает особенное любопытство: рослый голубоглазый граф выделялся среди остальных невольников. Но он постарался не обращать внимания на устремленные на него взгляды. Рваная, мокрая от пота рубаха прилипла к спине, он сам морщился от резкого запаха, который издавал. Сама мысль о том, в кого он превратился, была для него невыносима.

Едва волоча ноги от усталости и жары, Монтгомери тем не менее запоминал все, что видел: фонтаны, извилистые улочки, резные деревянные ворота. Это могло пригодиться, чтобы

опять добраться до порта, если ему удастся сбежать. Ни о чем другом он не мог теперь думать. Он был уверен, что удобный случай обязательно представится. Ему хватило бы одного мгновения, лишь бы надсмотрщики ослабили бдительность.

Их привели на огромный базар – квадратную площадь с крытыми прилавками, заваленными лопающимися от спелости плодами, блестящими финиками, свежеспеченными лепешками с шафраном, разноцветными сладостями, от одного вида которых у невольников потекли слюнки. В углу площади били в барабаны и бубны музыканты, варварские звуки их инструментов перемежались смехом и звоном бросаемых на землю монет.

В центре базара высился дощатый помост, похожий на сцену какого-то нелепого театра. Невольники под рев толпы всходили на него по одному. Когда настал черед Монтгомери, он инстинктивно напрягся, но веревка натянулась, и ему пришлось подчиниться. По его лбу струился пот, уставшие ноги казались чугунными, в горле была нестерпимая резь от жажды, живот сводило от голода.

Стало тихо, зеваки, казалось, дружно затаили дыхание. Монтгомери горделиво вскинул голову и обвел презрительным взглядом жадных покупателей у своих ног. С высоты помоста оказалось удобно осматриваться вокруг и всё примечать. Все, и невольники, и магометане, были сплошь мужчины. Женщинами, без сомнения, тоже торговали, но в другой день или в другом месте. К этим торгам прекрасный пол допущен не был.

Город казался огромным. Монтгомери обратил особенное внимание на минареты, сочтя их удобными ориентирами на случай будущего побега.

Любопытные лезли на помост, чтобы разглядеть живой товар вблизи. Он со смесью стыда и холодной ярости приготовился вытерпеть и это испытание. Перед ним задержался старик в белоснежном одеянии, исполненный достоинства и властности. Он неожиданно схватил его за руки, перевернул их ладонями вверх и пощупал своими костлявыми пальцами, проверяя наличие мозолей. Результат проверки удручил старика, он недовольно покачал головой.

Второй покупатель схватил Монтгомери за косматую бороду и дернул, заставив его разинуть рот. Габриэль задохнулся от бешенства, но остался неподвижен. Что мог он поделать в одиночку, окруженный десятками сарацин, вооруженных до самых тюрбанов? Покупатель с видом опытного лошадиного барышника проверил его зубы, довольно покивал и стал грубо щупать его бицепсы. Монтгомери с трудом сдерживал дрожь отвращения.

Наконец продавец взмахнул своей резной палкой, разогнав зевак, и поднял руку Монтгомери. Он заговорил на своем языке. Каждое его слово резало слух невольника своей непривычностью, но и без перевода было ясно, что продавец расхваливает достоинства своего товара. Он то и дело указывал на Габриэля пальцем, хлопал его по плечу и жестами привлекал внимания к его могучему телосложению.

Начались торги, покупатели перекрикивали друг друга и общий гомон, некоторые брались, кто-то выразительно звенел монетами в кошельке, чтобы посрамить соперников.

Монтгомери отводил глаза. Для него было бы унижением следить за теми, кто оценивал его как бессловесную скотину. У него не было желания отдать предпочтение кому-то из покупателей – в этом не было смысла. Однако он ничего не мог поделать с нараставшим в нем непрошенным странным чувством. В обращенных на него взглядах горел расчетливый интерес. Эти люди собрались, чтобы оценить товар, поторговаться и вступить в права собственности.

Двое богатых покупателей вступили из-за него в яростный спор, и он поймал себя на чувстве гордости. Габриэль тряхнул головой, прогоняя это позорное наваждение. Он глубоко вздохнул, чтобы побороть поднимающийся в груди гнев. Ничего еще не было кончено, это было препятствие на пути к свободе, и только.

Граф выпрямился настолько, насколько позволяли цепи, и горделиво осмотрел толпу. Раз они пришли его оценить, пускай видят перед собой человека, а не запуганного зверя.

Екатерина Медичи

Ночную тишину распорол вопль ужаса.

Екатерина Медичи села в постели. От испуга волосы у нее встали дыбом. Откуда донесся этот страшный крик? Прерывисто дыша, она отдернула занавеску своего ложа и увидела служанку с трепещущей свечой в руке, бледную, как сама смерть.

– Госпожа, это король!

Екатерина вырвала у нее подсвечник, иначе растяпа выронила бы его и устроила в Лувре пожар. Быстро продев руки в рукава ночного халата, торопливо поданного служанкой, королева-мать побежала босиком, не замечая холода каменного пола. Единственный коридор, который нужно было преодолеть, показался ей нескончаемым.

Стражник, карауливший дверь, распахнул створки и шарахнулся в сторону.

– Где кормилица? Она оставила его одного! – вскричала Екатерина, вбегая в комнату.

– Ей стало дурно, – пролепетал стражник, избегая ее взгляда.

Разгневанная Екатерина поставила свой подсвечник на сундук за кроватью и осторожно раздвинула занавес балдахина. Колеблющийся свет упал на перекошенное лицо ее сына. Карл запутался в простынях и бился, как будто это были сети, тянущие его на дно реки.

– Государь, – прошептала она, беря его за плечо, – очнитесь!

Он не отозвался, она потрянула его – сначала легонько, потом сильнее.

– Очнитесь, ваше величество, небом молю!

Веки короля разом распахнулись.

– Нет, нет!!! – крикнул он, как безумец, спасающийся от невидимой угрозы.

Пришлось Екатерине отвесить сыну пощечину. Сухого шлепка хватило, чтобы он пришел в себя.

– Карл, это я, твоя мать. Посмотри на меня.

Молодой король прищурился.

– Мама... – всхлипнул он.

Дрожа всем телом, он свернулся калачиком, как одиннадцатилетний ребенок – коим и был. Королева-мать присела рядом, обняла его, запустила пальцы ему в волосы, чтобы успокоить.

– Тсс, я здесь, все хорошо, – прошептала она нежным голосом, хоть и с каменным лицом. – Все прошло.

Он по-прежнему дрожал, упираясь кулаками матери в грудь. Екатерина закрыла глаза и прислушалась к его дыханию, становившемуся спокойнее от материнского прикосновения.

– Опять страшный сон про Монтгомери? – спросила она.

Он кивнул, все еще не способный вымолвить ни слова, с мокрыми от слез глазами.

– Да, теперь он скакал на огромном быке, – заговорил малолетний король, – его глаза изрыгали пламя, и он проткнул мне глаз, как папеньке.

При этих словах сына Екатерина обняла его еще крепче. Как и он, она не могла забыть тот роковой день и сейчас боролась с захлестнувшей ее волной гнева. Даже с края земли этот злодей не давал покоя ее семье и продолжал губить ее сына.

– Никогда! – прошептала она. – Никогда и никому я не позволю причинить тебе зло, мой малыш, а Монтгомери и подавно.

– Никто ведь не знает, где он прячется, – возразил Карл, с тревогой глядя на мать. – Что, если он вернется и перебьет всех нас – братьев и меня?

Она сжала ладонями его лицо.

– Смотри на меня и внимательно слушай, Карл. Пока я жива, он не тронет волоска на твоей голове. Мои воины выследят его и приведут сюда. Ты станешь свидетелем его казни, и тебе больше нечего будет бояться. Больше никогда, клянусь!

Успокоенный мальчик прильнул к матери, и та принялась его баюкать, напевая флорентийскую колыбельную. Пришлось долго ждать, пока щуплое тельце не перестало дрожать – малолетний король уснул. С бесконечными предосторожностями, стараясь не разбудить сына, мать снова уложила его, с любовью укрыла и долго гладила его лоб.

Прежде чем выйти, она забрала свечу и приказала служанке:

– Будь здесь. Он никогда не должен оставаться один.

Тут на пороге выросла смущенная кормилица.

– Вы? – бросила ей королева-мать с притворным удивлением.

– Я возвращаюсь на свое место, госпожа.

– Вы оставили моего сына, короля, одного.

Кормилица открыла рот, чтобы что-то сказать в свое оправдание, но Екатерина не дала ей произнести ни слова.

– Молчите! Стража, уведите ее! Пусть ее побьют палками, и пусть она исчезнет с моих глаз! Чтобы я больше не видела ее в Лувре!

Она вернулась в свои покои и сердито захлопнула дверь. Там она метнулась к тазу, чтобы извергнуть вместе с бурной рвотой свою жгучую тревогу, тщательно скрываемую от сына и придворных.

Габриэль

– Опusti глаза, смердящий пес!

На спину Монтгомери обрушился град ударов. Он рухнул на помост, стиснув зубы, осыпaeмый ругательствами надсмотрщика, смысл которых нетрудно было угадать, даже не понимая слов. Он почувствовал внезапный прилив силы и готовность удавить обидчика голыми руками, но ждал своего часа, накапливая в глубине души решимость. Одна лишь надежда на бегство позволяла выносить все эти мучения.

Торги завершились, и его погнали прочь с невольничьего рынка вместе с дюжиной товарищей по несчастью. Их провели босиком по лабиринту улочек к какому-то величественному зданию. Они пересекли беломраморный внутренний двор, окруженный галереями с резными колоннами, совсем как во дворце визиря в Венеции. Два стража-великана с такими же огромными саблями, как они сами, распахнули перед невольниками дверь. За ней раскинулся еще один мощный двор.

Далее обитая гвоздями дверь вела в конюшню, как можно было судить по виду и размеру постройки. Вот только лошадей внутри не оказалось, вместо них там кишели люди в лохмотьях. Новеньких затолкали туда и заставили драться за теплую воду и черствый хлеб. Полумертвый от напряжения, жары и усталости, накопившейся с прибытия, Монтгомери, подражая другим, утолил кое-как жажду и голод. Затем он отыскал на полу местечко, где можно было примоститься.

Крики и щелчки кнута заставили его встрепенуться. Он сам не заметил, как забылся сном. Сколько времени он проспал? Поди знай... Охранник выкрикивал приказы, толмач повторял их по-итальянски, по-испански и по-французски. Им швырнули какое-то тряпье – грубое, но хотя бы чистое, – чтобы они прикрыли свою наготу. Монтгомери с облегчением избавился от задубевших от грязи и пота остатков рубахи и смастерил себе некое подобие туники.

Последовал приказ таскать на второй этаж мешки с камнями. За этим изнуряющим занятием Монтгомери обратил внимание на одного особенно изможденного раба, еле тащившего свою ношу. Бедняга силился взвалить ее себе на плечо единственной своей здоровой рукой, но мешок раз за разом сползал на землю. Надсмотрщик набросился на него и принялся осыпать ударами. Монтгомери не смог не вмешаться:

– Не видите, что ли, что этот человек выбился из сил?

От такой дерзости надсмотрщик застыл в изумлении с разинутым ртом.

Не дожидаясь, когда осман¹ накинется на него самого, Монтгомери схватил мешок обесилевшего невольника и стремительно преодолел лестницу. Спустившись, он застал спасенного им беднягу привалившимся к стене.

– Уведи его! – приказал ему жестом надсмотрщик.

Монтгомери, подпирая недужного плечом, повел его было в конюшню, где ютились остальные, но осман указал ему на узкую лестницу.

– Наверх! – произнес он по-испански.

Граф помог больному забраться на крышу. Там был сооружен шалаш из веток и соломы. Габриэль с надеждой подошел к краю крыши и тут же отпрянул: пробежать таким способом было никак невозможно.

Недужный невольник рухнул на тюфяк.

– Благодарю. Меня зовут Мигель де Сервантес, я из Кастилии, а ты?

– Я Габриэль де... Дюси, француз.

Он чуть было не назвал свое подлинное имя. Если уповать на выкуп, то лучше было его не раскрывать. Кто знает, сколько затребуют за убийцу французского короля? Он никому не мог доверять. Велика была вероятность того, что некоторые здесь снабжают хозяев сведениями о других невольниках в обмен на лучшую кормежку. Фамилия Дюси пришла ему в голову не случайно: такое имя носили его земли в Нормандии.

На Сервантеса, покрытого потом и запорошенного пылью, больно было смотреть. Его вислые усы поредели, руки и ноги превратились в обтянутые кожей кости, щеки глубоко запали и скулы до предела заострились.

– Давно ты здесь? – спросил его граф.

– Уже пять долгих лет.

Монтгомери вытаращил глаза.

– Пять лет?!

– Да, с тех пор, как окончился бой, в котором я, между прочим, побил этих проклятых османов. Ужасное невезение! А когда пленили тебя?

– Сам не знаю, давно потерял счет дням. Наверное, месяц назад.

– Это почти что вчера! Что нового в христианском мире? Сюда не проникает никаких известий.

«Гибель короля Франции», – первым делом подумал Монтгомери, но тут же решил, что об этом лучше помалкивать.

– Скоро два года, как твой испанский король женился на одной из наших принцесс.

– Вот как? Значит, его супруга, королева Мария Тюдор, почилла? Кто же взошел на трон Англии?

– Елизавета.

– Другая дочь короля-еретика Генриха Восьмого?

– Да.

¹ Осман – турецкий воин на службе султана, подданный Османской империи – государства, существовавшего с конца XIII века до 1922 года (в период расцвета охватывало Малую Азию, Балканы, Ближний Восток и Северную Африку; ядро империи стало современной Турцией). (Здесь и далее – примеч. ред.)

Сервантес перекрестился.

– Куда катится мир? Несчетное число раз она избегала покушений и заговоров! Порой судьба описывает причудливые зигзаги.

Монтгомери поостерегся признать, что и сам он перешел в протестантизм, правда, не по своей воле.

– Просвети меня о том, что ждет меня здесь, – попросил он, чтобы сменить тему.

– Начнем с того, что если ты хочешь выжить, то должен научиться не высовываться, остерегаться османов, иначе тебя сожрут. Ты мне помог, но они взяли тебя на заметку как чрезмерно самоуверенного. Пока что ты свеж и проворен, но уже через неделю-другую станешь под стать мне: сломленным усталостью, неспособным думать и ждущим смерти как облегчения, все равно что сна в конце дня.

– Как же ты столько протянул?

– Все потому, что меня скоро отпустят! – И испанец улыбнулся, показав все сохранившиеся зубы.

– Это в честь чего же?

– За меня внесут четыреста золотых пиастров. Больше этих мерзавцев ничего не занимает. – Сервантес сплюнул. – Если ты небезразличен своим родным, то они за тебя заплатят. Я был ценным воякой, за меня заломили высокую цену – вот единственная причина, по которой так затянулась моя неволя.

Монтгомери мысленно похвалил себя за то, что не раскрыл, кто он на самом деле.

– Выходит, стоять слишком много тоже вредно.

– Спору нет, но если ты ничего не стоишь, то лучше перейди в ислам – тогда тебе, быть может, выпадет шанс на более сносную жизнь.

– Я не стану дожидаться, чтобы меня выкупили, лучше отсюда сбежать, – уверенно сказал он.

Сервантес усмехнулся:

– Я сперва тоже так думал. У меня за спиной четыре попытки побега. Но, как видишь, я по-прежнему здесь.

– Вот-вот, поведай, почему ты потерпел неудачу.

Екатерина Медичи

– Дуроножка, мой табак! – приказала королева-мать своей шутихе.

В камине потрескивал огонь, но в комнате все равно властвовал холод. Тяжелые бархатные портьеры на окнах почти не пускали внутрь серый свет дождливого дня. В комнате плавали запахи воска и табака. Екатерина Медичи села за свой рабочий стол и занялась перепиской.

Карлица засеменила к ней, неся расшитый кисет. Насыпав немного табака в серебряную ложечку, она подала ее хозяйке с нарочито низким поклоном. Екатерина с наслаждением втянула табак одной ноздрей.

– Мигрень, твое величество? А все регентство, которого тебе так хотелось. Уступила бы его герцогу де Гизу и не знала бы хлопот.

Королева-мать вопросительно приподняла одну бровь и машинально забарабанила пальцами по подлокотнику кресла. Когда хочешь защитить своих детей, то выбирать не приходится.

– Может быть, хватит меня задирать?

– А что, Гиз – добрый католик.

– Даже слишком, сама знаешь, – поправила ее Екатерина. – При нем страна запылала бы с четырех сторон и умылась бы кровью.

– Разве сейчас не так?

Екатерина грозно глянула на карлицу, но та как ни в чем не бывало выдержала ее взгляд.

– Совершенно не так, ты преувеличиваешь!

– Прошу прощения, конечно, ведь насилие католиков против еретиков – совсем другое дело, оно не в счет. Гугеноты сами устроили этот заговор против твоего сына.

– Против короля, – сухо уточнила Екатерина. – Я вынуждена принимать меры.

Дуроножка пожала плечами.

– Твое величество правильно поступила, что всех их перевешала. Напрасно они удивляются справедливой каре.

– Я надеялась, что казнь заговорщиков присмирит католиков, но их жажда мести чересчур сильна. Герцог де Гиз даже требовал голову принца де Конде, хотя казнить принца крови невозможно, Господь никогда бы мне этого не простил.

Она выпрямилась в кресле, уставившись на пляшущее в камине пламя, и продолжила вполголоса усталым тоном:

– Мне бы примирить враждующие стороны, но как же мне добиться мира, если убийца моего мужа все еще на свободе?

Екатерина с гримасой боли закрыла глаза и прижала к груди стиснутый кулак. Холод и сырость были для нее жестоким испытанием. По ее повелению стены покоев заранее, еще до наступления ненастного сезона, закрывали шерстяными и шелковыми коврами. Их вид, бывало, согревал ее, но не сегодня.

Карлица спряталась в алькове, достала колоду карт и уселась в миниатюрное кресло.

«Тем лучше, – подумала Екатерина, – пусть на время позабудет обо мне».

Чем бы теперь ни приходилось заниматься Екатерине – вести переписку, заседать в Регентском совете, повелевать придворными, – она действовала, как автомат. Оставаясь одна, она отдыхала с книгой: чтение помогало выдерживать ей подобных. Она пыталась находить отвлечение в изнурительных шахматных партиях, занимавших ум и тело и так утомлявших, что она могла прямо над доской погрузиться в спасительный сон.

С тех пор как Монтгомери сумел снова от нее улизнуть, королева-мать жила как на раскаленных углях, слишком завися от донесений своих осведомителей. Все ее существование сводилось к одному лишь ожиданию.

Дверь резко распахнулась, в комнату впорхнула Луиза де Лаберодьер с горделиво поднятой головой и отвесила торопливый поклон.

– Госпожа, Монтгомери и вправду взошел на борт корабля, отплывшего в Англию.

Королева-мать встрепелась. Одной Луизе разрешалось входить к ней без разрешения, если речь шла о Монтгомери.

– Наконец-то! – произнесла она взбодренным голосом. – Чего же вы ждете, Луиза? Соберите Летучий эскадрон – и живо в Лондон!

Фрейлина поклонилась и выбежала вон.

Габриэль

Ослепленный безжалостным солнцем, Монтгомери сощурился и прикрыл глаза рукой. Уже слишком долго он мучился от этого света, от которого некуда было деваться. Он с трудом выпрямился, ноги затекли, все суставы ныли. У него было чувство, что за считанные недели он состарился на десяток лет.

Сперва он радовался, что не заперт в подземелье. Но жизнь под открытым небом, во власти стихии, оказалась подлинной пыткой. Ветер приносил песок, который забивался всюду – в глотку, под ногти, в глаза, болевшие при любом прикосновении, не говоря уж о попытках их тереть. Его туника из ветхой парусины мгновенно промокала от малейшего дождя, не говоря о ливне. К этому добавлялись призывы к молитве, будившие его перед зарей и оставлявшие с мерзким ощущением, что перед этой побудкой он едва успел смежить веки.

Зато Сервантеса их вынужденное соседство, кажется, бодрило. Монтгомери оказался в редкостной компании: все же он был человек грамотный, даже дворянин. Сейчас, усаживаясь рядом с графом, чтобы подкрепиться скудным пайком – ломтем крошащегося хлеба и жалкой горстью пересушенного инжира, – испанец толкнул его локтем в бок.

– Осторожнее вон с тем, что сидит там, в углу, – шепотом посоветовал он, глядя на худого субъекта с заостренным лицом, в темном кафтане. – Говорят, он фокусник, умеет читать мысли.

Монтгомери пожал плечами, медленно жуя хлеб.

– Если он не понимает нашего языка, то мало что прочтет.

Но Сервантес, поглаживавший свои длинные вислые усы, не унимался:

– Не забывайте, мы в краю джиннов, злодеев пустыни.

Монтгомери готов был расхохотаться, но передумал из-за грозного щелканья кнута. К ним приблизился, шаркая по каменным плитам остроносыми туфлями, великан в тюрбане.

– Встать, шелудивые псы!

Монтгомери понял приказание благодаря урокам Сервантеса, учившего его самым необходимым словам. Пленники поднялись.

– Глаза в пол! – рявкнул турок.

Беспрерывные унижения разжигали в Монтгомери лютую злобу. Чувствуя, как напрягся граф, испанец попытался его успокоить, положив руку ему на плечо. Габриэль сжал кулаки, хотя понимал: если он хочет выжить, то не время бунтовать, не то византийский нелюдь в туфлях с помпонами забьет его насмерть своим кнутом.

Стражник, прохаживаясь перед строем рабов, тыкал в некоторых из них этим устрашающим инструментом:

– Ты, ты, ты...

Каждую неделю особенно невезучих отбирали на роль галерных гребцов.

Стражник задержался перед Сервантесом и жестоко осклабился.

– Ты слишком немощен, испанец. Ты не стоишь обещанного за тебя выкупа. Пожалуй, я швырну твои кости собакам!

Сервантес стиснул зубы, Монтгомери почувствовал, как каменеет его сторбленная спина.

– Ты, белобрысый верзила, – продолжил турок, – поворачиваясь к Монтгомери, – обошелся в две сотни экю. Говоришь, твоя семейка готова заплатить за тебя вдвое больше? Если через семь дней я так ничего и не получу, ты отправишься на галеры. Такому рослому красавцу самое место за веслами.

Сервантес переводил, Монтгомери слушал, не шевелясь. Он солгал про выкуп, чтобы выиграть время в надежде придумать способ бегства из этого ада.

Луиза

Луиза прохаживалась по палубе, путаясь в полах плаща. Слишком тонкие перчатки из кожи ягненка не защищали ее руки ни от жгучего холода, ни от сырости. Она пыталась согреть руки, непрерывно их растирая, и задыхалась на морском ветру, швырявшемся в нее клочьями ледяного тумана. Клодина, Изабо и Мадлен давно спрятались в тесную каюту, но сквозняки проникали и туда.

Луиза то и дело поднимала глаза на капитана, отдававшего команды с мостика. Матросы при помощи лебедок втаскивали на палубу бочки. Юркий юнга тащил корзину с провизией. Запах дегтя и мокрой древесины смешивался с еще более резким духом стоячей воды за бортом. Корабль готов был отчалить из порта Кале, но приказ на отход задерживался. Луизе удалось уговорить капитана повременить с отплытием. Она уже отправила в Англию депешу, желая убедиться, что Монтгомери и вправду добрался до противоположного берега Ла-Манша. Ее мучило недоброе предчувствие. Ее мысли вертелись в адском водовороте, сплетаясь раз за разом в один и тот же вопрос: куда он на самом деле подевался?

Добиться справедливости... Справедливости для короля, а еще для самой себя. Она не забыла о совершенном Габриэлем преступлении по отношению к ней и о его последствиях, едва не стоивших ей жизни. Своим спасением она была обязана только Летучему эскадрону, успевшему к ней на выручку в Венеции. Порой она задавалась вопросом, сможет ли теперь иметь детей. Что за нелепость! Не нужны ей ни ребенок, ни муж – эти символы рабства, которое она отвергала всем своим существом.

– Мадам, – заговорил вполголоса Брантом, наклоняясь к ней, – вам следует спуститься к остальным. Здесь, на палубе, вы подхватите смертельную болезнь.

Луиза, не глядя на него, покачала головой.

– Только после того, как нам доставят известия из Дувра.

Брантом со вздохом взъерошил себе волосы, отвернулся и стал наблюдать за матросами, тянувшим снасти и поднимавшими паруса.

Луизе казалось, что ее сердце бьется в унисон с глухим биением волн о борт корабля. Она не отрывала взгляд от пристани, дожидаясь появления гонца, какого-нибудь сигнала.

К ней подошел капитан, всем видом выражавший свою значительность.

– Мадам, дальше тянуть невозможно, – твердо промолвил он. – Отлив не станет терпеть, пока появится ваш гонец.

– Вы отчалите без нас? – высокомерно спросила она.

Капитан заложил руки за пояс.

– Мой трюм забит грузом, который я должен доставить в Англию. Если я промедлю, то меня накажет не только отлив, но и те, с кем я связан обязательствами.

Луиза открыла было рот, чтобы ответить, но вмешался Брантом:

– Дайте нам еще час, капитан. Известия могут поступить с минуты на минуту.

– Еще час – и я рискую увязнуть в иле, – последовал ответ. – Скоро я скомандую отдать швартовы.

Луиза кусала губы, вглядываясь в пристань. Она знала, что капитан прав, но отказывалась признать очевидное.

– Решайтесь! – присоединился к капитану Брантом.

Она нехотя кивнула и недовольно спрятала лицо в пелерине. Внезапно по сходням загремели шаги.

– Мадемуазель де Лаберодьер? – окликнул ее запыхавшийся гонец.

– Это я! – вскинула голову Луиза.

Он подал ей письмо, она торопливо его вскрыла. Бумага отсырела, буквы немного расплылись, но она все же сумела разобрать написанное.

– Ну, так что же? – поторопил ее Брантом, боровшийся с желанием прочесть письмо через ее плечо.

– Его корабль, «Неустрасимый», так не вошел в гавань, – пробормотала она.

Брантом выругался себе в бороду.

– Как же так? Может быть, он повернул в Нидерланды?

Луиза медленно покачала головой и зажмурила глаза.

– Или пошел ко дну, – проговорила она еле слышно.

Капитан кашлянул.

– Каково же ваше решение, мадам?

Она не сводила взгляд с письма.

– Мы остаемся в Кале. Ступайте за дамами, Брантом.

Капитан с облегчением пошел отдавать команды, а гасконец спустился в каюты.

Прежде чем покинуть корабль, Луиза скользнула взглядом по горизонту, откуда доносился шум волн, разгоняемых переменчивым ветром. Зловещее море ревниво оберегало свои тайны, отказываясь их раскрывать. Монтгомери был где-то там, вдали, живой или мертвый, и она должна была во что бы то ни стало его отыскать.

Екатерина Медичи

– Вы принесли все необходимое? – спросил Нострадамус своим могильным голосом.

– Да, – подтвердила королева-мать и подала сигнал карлице. Та с ворчанием опустила на пол мешок.

В полумраке кабинета Нострадамуса стены, увешанные звездными картами, казалось, поглощали свет. Екатерина почувствовала уязвимость: здесь ее положение повелительницы целого королевства мало что значило.

Маг велел своему слуге разбудить королеву-мать среди ночи. Карлица, недовольно сетуя, отправилась с ней.

Взгляд Екатерины был прикован к развернутой перед ней звездной карте – к океану мерцающих точек на пергаменте, прижатом по углам канделябрами в виде огнедышащих драконов.

Астролог подошел совсем близко, каким-то чудом не опалив бороду пламенем свечей (на самом деле эта ловкость была ему давно привычна).

– Ваши сыновья... – заговорил он, уставившись на созвездия. – Увы, вынужден повторить, что их преследует проклятие: им грозит безвременная гибель, и ни один из них не оставит наследника.

У Екатерины живот свело судорогой. Как ни привыкла она к этому предсказанию, оно неизменно вызывало у нее приступ душевной боли, присущей матери, уже терявшей своих детей.

– Их судьба неразрывно связана с судьбой некоего человека... – продолжил он.

«Держит паузу, чтобы усилить впечатление», – подумала со вздохом Екатерина, заранее зная, чье имя он готовится произнести.

– Это граф Габриэль де Монтгомери! – промолвил он и воздел для важности руку. Дуроножка похлопала рукой по рту.

– Ты бы рассказал нам что-нибудь новенькое, Ностра, иначе мы тебя покинем и опять завалимся дрыхнуть, – сказала она с зевком.

Нострадамус неприязненно покосился на нее и снова устремил лихорадочный взгляд на стол.

– Монтгомери находится под защитой сил, сотрясающих звезды, вот, полюбуйтеесь!

Сжав на груди медальон – свой талисман, – Екатерина склонилась над картой, но не увидела на ней ничего примечательного.

– Действительно... – неуверенно протянула она.

Мысль о связи между Монтгомери и судьбой ее сыновей была для нее нестерпимой. Мало ему того, что он убил их отца? Она не сомневалась, что смерть графа послужит для них избавлением.

Отсутствие вестей от Летучего эскадрона, отправленного по его следу в Лондон, заставляло ее опасаться худшего. Она надеялась, что придворный астролог вселит в нее бодрость, но теперь ее терзали сомнения.

– Вы говорили, что нашли способ покончить с аурой, оберегающей Монтгомери.

– Да, нашел, ваше величество.

Маг попытлся, чтобы держать в поле зрения всю карту, и пошевелил пальцами над свечами, отчего языки пламени потянулись к его ладоням.

– Эта ночь – особенная, ночь, когда распаивается окно в ткани судьбы. Ритуал, который мы сейчас проведем под этой космической конфигурацией, опрокинет астральный щит, охраняющий Монтгомери. Но учтите, риск весьма велик, взгляните, как Юпитер входит в созвездие Близнецов, чтобы предупредить нас о хрупкости существующего равновесия. Вторжение в него чревато непредвиденными последствиями.

Екатерина, напуганная предостережением Нострадамуса, пригляделась к звездной карте и увидела на ней не огоньки, а глаза, тысячи наблюдающих за ней глаз, полных невыносимой для ее материнского сердца угрозы.

– Научите меня, как надо поступить. Я позволила вам вызывать меня в любое время дня и ночи не для того, чтобы отступать перед опасностями.

Сейчас она чувствовала готовность сразиться с любыми темными силами, даже вызвать гнев Всевышнего, лишь бы спасти своих сыновей от неминуемой гибели.

– Коли так, покажите мне, что вы принесли.

Королева-мать жестом приказала Дуроножке опорожнить мешок.

– Как было условлено, вот предметы, заряженные космической силой: жемчужное ожерелье, спасенное при извержении Везувия, и горный хрусталь, найденный у подножия Олимпа. А вот это – мой талисман. – И она сняла с шеи цепочку.

Карлица отошла, пожимая плечами.

– Обхохочешься!

– Ваше величество, звезды не проявят благосклонности, если от кого-то из присутствующих будут исходить волны неприятия...

Властным взмахом руки Екатерина повелела своей шутихе выйти, и та повиновалась, что-то бормоча себе под нос.

Нострадамус поманил регентшу за собой, и она пошла следом за ним, накинув на плечи плащ. На вершине башни, стоя на террасе, он показал ей астрологическую таблицу.

– Каждый круг – это планета в созвездии.

Она кивнула и надела капюшон, как будто хотела защититься от того, что было ей уготовано.

– Час пробил, – торжественно молвил он. – Подойдите и сосредоточьте вашу мысль на сыновьях и на Монтгомери, а я направлю энергию на цель. Ваша материнская воля сделает остальное.

Эллиптическим жестом маг поместил каждый предмет в особую точку на астральном круге.

– Земля для твердости, вода для текучести, огонь для преображения, воздух для мысли, – провозгласил он и забормотал заклинания на неведомом языке.

Екатерина закрыла глаза, раскинула руки и запрокинула голову. В следующую секунду грянул гром. Вся она затрепетала, ее сердце, казалось, растворилось в бесконечности. Через ее закрытые веки ударили в небесный свод огненные зигзаги. Она торжествующе улыбнулась. Небеса ответили на ее молитвы.

Луиза

Ветер брызгал в Луизу холодной водой, ей приходилось кутаться в меховой воротник. Перед ней машинально счищал водоросли с борта своей утлой лодчонки рыбак, согнутый проведенными в море годами, его красные распухшие пальцы казались вытесанными из дерева. Время от времени он поднимал голову и вглядывался в горизонт, где вздымались и опускались с мерным гулом серые волны.

Луиза обратилась к нему с вопросом, но ее голос заглушил шум прибоя. Брантом громко повторил за нее:

– Говоришь, дружище, ты видел, как потонул «Неустрасимый»?

Рыбак искоса глянул на Брантома.

– Да, видел, сударь.

– Откуда ты так хорошо это разглядел? – не отставал Брантом.

Рыбак махнул рукой в сторону моря:

– Погода была, вот как нынче. Моя лодка болталась за кормой «Неустрасимого», но при таком волнении меня не было видно за волнами.

И он возобновил свое занятие.

– Расскажи нам, что ты видел, добрый человек. – И Брантом достал из кошелька монету.

Рыбак вскинул тяжелые веки, его глаза загорелись, руки задрожали.

– Тот, другой корабль шел на всех парусах, прыгая с волны на волну. Я не видел, под каким он флагом, но его бортовые люки были открыты, это я сразу приметил и здорово перетрухнул. Когда от него до «Неустрасимого» было уже рукой подать, на мачту взмыл черный флаг с черепом...

Последние слова он произнес, понизив голос, как будто боялся накликать старуху-смерть. Брантом и Луиза переглянулись.

– Продолжай, – подбодрил его Брантом, отдавая согретую в ладони монету.

Рыбак с сопением спрятал монету в карман.

– Тут я все понял и порадовался, что меня в моей лодчонке не видать. На «Неустрашимом» тоже не считали ворон, там все забегали как ошпаренные, от капитана до последнего юнги. Раз такое дело, оружие дают даже пассажирам! Но как сладить с морскими разбойниками, это же их ремесло... Бахнули пушки, сломалась грот-мачта, судно стало черпать воду. Еще немного, и его взяли на abordаж.

Рассказчик помедлил и с трудом проглотил слюну, как будто подавился рыбьей костью.

– Что было дальше? – осведомился Брантом, давая ему вторую монету.

Рыбак спрятал ее за пазухой своей потертой куртки и продолжил:

– Пираты перегрузили товары с «Неустрашимого» к себе в трюм, а трупы побросали в воду. – При этих словах он перекрестился.

Луиза запахнула воротник, но холод был ни при чем.

– Погибли все до одного? – спросила она.

Рыбак не удостоил ее даже взглядом. Луиза вздохнула. Она была оскорблена таким пренебрежением, но предпочла промолчать: сейчас ей было не до того, чтобы учить неотесанного грубияна уму-разуму. В глубине души она завидовала Клодине, Изабо и Мадлен, гревшимся на постоянном дворе у камина и дожидавшимся ее. Она жестом попросила Брантома продолжить допрос.

– Отвечай! – прикрикнул гасконец на рыбака.

Тот покачал головой.

– Самых смелых они точно забрали, чтобы сделать гребцами на галерах!

Луиза поежилась.

– А не видели ли вы среди них высокого белокурого красавца с гордой осанкой?

Рыбак свел на переносице лохматые брови и вопросительно повернулся к Брантому.

– Видел верзилу, косая сажень в плечах, желтоволосого? – перевел тот вопрос.

Луиза ждала ответа, не дыша.

– Какое там! Далековато было, сударь. И потом, где мне было знать, что месье и мадам станут меня пытаться... Я только и видел, что пожар на «Неустрашимом», огонь с его фок-мачту высотой. А потом корабль пошел ко дну. Вот беда-то!

– Кем были эти пираты? Викингками, казаками?

– Нет, сударь, это были берберские пираты, хуже их нет, – последовал уверенный ответ.

– Ты не обознался? Не далековато ли для них?

– Не сомневайтесь, сударь, их бриг ни с чем не спутаешь.

– Это какой-то бред, – сказала Луиза Брантому шепотом. – Зачем слушать пьяные рассказы?

Рыбак безнадежно пожал плечами и наконец соизволил посмотреть на нее.

– Что поделывать, мадам, не хотите верить – не верьте, но я не стану врать, чтобы вам угодить.

Луиза вскинула бровь. Он не только ее услышал, но и ответил – только для того, чтобы возразить. Полезно было бы устроить ему взбучку, чтобы напомнить о правилах приличия, но сейчас важнее было не привлекать к себе лишнего внимания.

– Берберских пиратов видали гораздо дальше, у самых Северных островов, хоть я туда и не хожу. Сущие дикари, лучше пойти ко дну, чем угодить им в лапы!

Луиза вздрогнула, увидев страх в глазах этого человека, все на свете, казалось бы, повидавшего. Она не знала, что предпочесть: чтобы Монтгомери утонул или чтобы попал в плен к пиратам. Неведение было наихудшей пыткой.

Габриэль

Невольников вывели из дворца и погнали на пыльную стройку, где Монтгомери и Сервантесу пришлось голыми руками таскать под безжалостным солнцем мраморные блоки. Граф испытывал бешенство из-за того, что вынужден расходовать силы на строительстве какого-то здания для магометан, но до поры до времени ему приходилось сдерживать свой гнев.

– Утешайтесь тем, что хотя бы избежали галер, – сказал ему Сервантес, с трудом переводя дыхание.

Сгибаясь под очередным камнем, Монтгомери услышал взрыв визгливого смеха. Обернувшись, он увидел кучку евнухов, наблюдавших за выбивающимися из сил работниками. Богато расшитые наряды этих зевак резко контрастировали с рубищем рабов. С их появлением сразу воцарилась испуганная тишина.

Сервантес зашептал графу на ухо:

– Вот ваше будущее в случае, если задержится ваш выкуп.

Монтгомери стал украдкой поглядывать на евнухов. Оскопление пугало его пуще самой смерти. Чтобы он уподобился жирным евнухам, довольствующимся разрешением просто находиться рядом с женщинами? Какая жестокая ирония!

– Лучше сдохнуть! – процедил он сквозь зубы.

Сервантес устало улыбнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.